

*Қазақстан Республикасы ҰЛЫ әрі ғылым министрлігі
Ғылым комитеті/
М. О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты
Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт литературы и искусства имени М. О. Ауэзова*

**ӘДЕБИЕТТАНУ, ӨНЕРТАНУ
ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКА
ГЗЕКТИМӘСЕЛЕЛЕРІ**

атты Халықаралық конференция материалдары

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Материалы международной конференции

АЛМАТЫ, 2011

Майтанов Б.К., Кдзірп поэзиядагы тәуеләздік тужырымдамасы.....	144
Тебегенов ТС. Мухтар Әуезовтің ұлттық тәуелдіздік ұшш күрес туралы шығармалары ("Килы заман" поесіі непзіше).....	155
Габдуллина В.И. Проблема авторской позиции Достоевского в контексте зарубежного литературоведения XX-XXI вв.....	171
Абдулина А.Б. Архетип и его образные аватары в художественном мире современной казахской прозы.....	179
Уюкбаева М.И. Художественное своеобразие рассказа М.О.Ауэзова "Сиротская доля".....	188
Ахмедьяров К. Особенности эстетической концептосферы "Эль" в дискурсе Герольда Бельгера.....	1%
Жарылғапов Ж. Аударма және әдебиеттеп жедел даму кубылысы.....	204
Жумагулов С. М.Каратаев және әуезовтану мәселелері.....	211
Ақыш Н. К^азак. поэмасындагы тәуеләздік рухы.....	219
Хижазы А. Казірп уакыттагы казак және араб поэзия.....	229
Шисыр И. К вопросу о типологии, генезисе и эстетике образа "тузы" ("плешивого") в дунганской бытовой сказке.....	238
Орда Г Казак поэзиясындагы ұлттық рух.....	248
У Мухамадиев Х.С. Концепт "попынь" в казахском художественном дискурсе.....	263
Рахымжанов К. Трагедиялық тулга және тәуелдіздік идеясы.....	273
Орозова Г.Ж. "Әр Әшим" поэмасы жана тарыхый чындық.....	284
Салцынбаев М. М.Әуезов шығармаларының шығыстық сипаты.....	294
Имахамбетова РС М.Әуезовтің Ахац туралы айшықтары бәм Ахмет Байтұрсынұлының әндері хақында.....	301
Kenzhalin K. Kazak ve Turkiye Turkcesinde Deyimlerin Varyantlılığı.....	309
Такиров С. Әдеби сын және рухани мураның зерттелуі.....	315
Ломова Е.А. Семантическая функция заглавия в структуре оригинального и переводного текстов.....	322
Тойшанұлы А. Айтыс: рулық кезең, жіктелуі, бүтшіп жай-күйі.....	327

Акашева С. Значение М.К.Каратаева в изучении русской литературы.....	336
Машыбай С. Казак прозасындагы тәуелсіздік идеясы.....	344
Қалиева А. Пейзаж және шығармашылық дүниекабылдау (Казірп казак прозасындагы М.Әуезов бейнесі непзіше).....	351
Отпен А.Ж. Поэзиядагы керкем шындық.....	363
Тұрсыманова Ф.Ж. Сөз мәйепі.....	366
Мухаметжанов Ж. Мухтар Әуезовтің қырғыз сөз Өнері мураларына арналған қайраткерлік және шығармашылық қызметінің керкем шығармалардагы бейнелеуі.....	369
Дзутұлы С. Алаш мұрасының жиналуы мен насихатталуы.....	377
Власова Г.И. Фольклор славянской диаспоры Казахстана (собрание и изучение).....	384
Ананьева СВ. Основные тенденции мирового литературного процесса начала XXI века.....	393

II СЕКЦИЯ.

КАЗІРП ӨНЕРТАНУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Хамидова М. Музыкальная комедия на сцене театра имени Мукими.....	404
Кузембай СЛ. Мухтар Ауэзов и духовная культура казахского народа.....	412
Ергалиева РА. Актуальные проблемы изобразительного искусства и искусствознания Казахстана.....	421
Мукан А. Тәуеләздік кезеңдеп опера өнері	428
Трупекова ХХ. "Будни и праздники" искусства суверенного Казахстана.....	437
Ордалиева Ж.С Музыкаведение Казахстана: основные направления и пути развития.....	444
Рашидов Т. Синтез искусств в основе исполнительского творчества артиста эстрады.....	452
Галина ГС. Либретто башкирской национальной оперы: драмы И.И.Дильмухаметова как объект интерпретации.....	456
Шарипова Д.С. Архетип матери в живописи и станковой скульптуре Казахстана периода независимости.....	466

КОНЦЕПТ "ПОЛЫНЬ" В КАЗАХСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В конце 20 века в Москве и в Алматы вышли две книги, объединившие современные казахские повести под названиями "Когда уходят плеяды: современные казахские повести" (Москва, 1980), и "Перевал: повести молодых казахских писателей" (Алматы, 1983).

Небольшие по объёму повести отличаются разнообразием тем и стилей, отражая богатство современной казахской художественной прозы. Говоря о достоинствах жанра повести, В.Г. Белинский писал: "...повесть - распавшаяся на части, на тысячи частей, роман: глава, вырванная из романа. Она дробит жизнь по мелочи и вырывает листки из великой книги этой жизни. Соедините эти листки под один переплет, и какая обширная книга, какой огромный роман, какая многосложная поэма составила бы из них...".

Таковыми книгами стали названные сборники, в которых каждая повесть - вырванная из жизни листок. Повести Д.Исабекова "Полюнь", Д.Досжанова "Полюнь и цветы", С.Муратбекова "Горький запах полыни" - удивительно прозрачные, светлые, лирические повествования. В них показана национальная картина мира с её неизбежными проблемами, конфликтами, радостями, в изображении которых авторы проявляют себя тонкими психологами и знатоками человеческой души. Полноправным персонажем для казахской души становится родная для неё степь, которая всегда рядом с героями и играет в их жизни значительную, порой решающую роль. Ключевые слова **степь**, **полюнь** составляют в них базисный словарь, как наиболее частотные и необходимые слова для передачи идейного замысла.

Наряду с названными повестями в произведениях Р.Насырова "Ветка дармины" (дармина—казахское название цитварной полыни), М.Симашко "Емшан" (емшан - тюркское название полыни), исследуется близкая для многих современных авторов - концепт *полюнь-память*.

Для современной казахской повести *полюнная* тема, как и тема иппическая (гр. hippos - лошадь) - своя внутренняя, которую она разрабатывает весьма настойчиво, обнаруживая удивительную цель-

ность замысла. При различии художественных индивидуальностей и языка писателей, работающих в этом жанре, это явление вызывает потребность взглянуть в него и попытаться понять его особенности.

Мотив *полюны* обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в нём генетически, отчасти явившихся в процессе долгой исторической жизни. Обращение к глубинной семантике сюжетов в художественном дискурсе позволяет обнаружить трансформацию архетипических схем.

Так, писать на анималистическую тематику, персонифицировать животных, наделять их человеческой сущностью, переносить позитивные и негативные этические субстанции и признаки на животных, порой идентифицировать их черты, присущие многим казахским художникам слова. При такой трансформации *иппический* мотив, меняя свой коннотат на противоположный, иллюстрирует постоянную циклическую динамику ценностных ориентации.

Для современных художников слова примером служат эпические традиции кочевых народов, а наиболее объёмная сфера воплощения эстетических устоев - *образ коня* - служит наглядным дополнением, а порой двойником изображаемого героя. Писатели весьма глубоко понимают, что животные в народном кочевом хозяйстве были главной материальной ценностью, непосредственной и "самоочевидной" целью и конечным продуктом производства. При этом они как продукт и цель общественного производства становились "предметной действительностью" или "предметным" двойником человека.

Подобная общность может быть обусловлена установками литературных традиций - это как бы живёт в генетической памяти. Поэтому в повести "Полюнь и цветы" концепты *полюнь* и *тулпар* - две равноправные смысловые доминанты текста, где в центре повести скачка, где всадник и конь должны победить в соревновании и первыми прийти к финишу, где опалённая зноем *полюнь*, умытая росой, наливается живительным и терпко пахнет. Старый Дос, в молодости победивший в байге, которая длилась целую "вечность", с наслаждением проходит по *полюнному* ковру, и в который раз вспоминает звёздный час своей жизни.

Такой радости, такого бурного торжества не знала ещё степь. Свист, крики, хриплый клич рода-победителя, смех и плач, ржание коней и цокот копыт - всё слилось в единый ликующий

гимн в честь и во славу необъятной казахской степи и её гордых сынов. Это ведь они выращивают тулпаров. Это они устраивают байгу. Это они свято берегут эту степь и погибают во имя её чести, и славы и доброго имени.

Но победитель расплачивается за своё торжество гибелью молодой жены и коня. Для него выиграть байгу - было единственным шансом в жизни вырвать у судьбы удачу, "ведь байга - судьба джигита". Его заболевшая жена не выжила, но и старого насильника покарала скорая смерть, отправившая его "в чёрный-чёрный загробный мир". Это тема обратной трансформации архетипического мотива. В конце повести состарившийся герой вспоминает в пору "задумчиво-грустной осени" старика-отца жены, ставшего похожим на "серый, засохший на корню куст *полюны*".

Вокруг простиралась бурая, выжженная безжалостным летним зноем степь. А старик, волоча ноги, брёл по степи, поскрипывая старыми кирзовыми сапогами; под его ногами сухо похрустывала жёсткая, пересохшая полюнь.

Мотив *полюны* органически вплетён в сюжет трагической степной были. *Горькая полюнь* становится символом не только старости, но и тех печальных событий в жизни героя, о которых он всегда будет помнить. Свои воспоминания он вновь и вновь переживает, как и его конь, *грызущий с утра до ночи жёсткую горькую полюнь.*

Образ *полюны* неразрывно связан с образом *степи*. *Степь*, как зеркало, отражает, помнит и хранит человеческие радости и страдания. Эту мысль подтверждает опыт изображения казахской степи в повести А.Кекильбаева "Призовой бегунец" о гнедом скакуне и сухой *полюны*.

В битвах, на праздниках и просто в обыденной жизни у степняка всё связано с лошадью. Значение коня в его жизни подчёркивает культ небесного коня, о чём прямо указывали ещё античные и древнеиранские источники. "Тулпара не обгонит конь простой, Будь он украшен пёстрой бахромой" - смысл этих строк Абая раскрывают силу высокой духовности и нравственности, существовавшие вопреки всем порокам человеческой жизни.

Казалось бы, ничего особенного, заранее обдуманного и пред-решенного в работе отечественных писателей, выступающих в жанре повести, на первый взгляд не наблюдается. Между тем, невоору-

жённным взглядом видно насколько духовная близость, единый круг интересов объединяет их. Более того, художественная энергия рассматриваемого дискурса сосредоточена по преимуществу на одном притягательном образе - образе казахской степи, её истории и сегодняшнего дня.

Современные художники слова следуют опыту и заветам М.Ауэзова, который никогда не разделял концепты *попынная степь* и *копы*: они идут вместе, как всадник и конь. Во второй книге романа "Путь Абая" в главе "Перед бродом" читатель может одновременно насладиться и описанием бега тулпара Курентобеля и описанием степи во время дождя.

*У подножия холма путников настиг ливень с порывами ветра. Но ветер скоро затих, ливень перешёл в тёплый дождь. Склоны Орды волновались бледно-зелёной порослью низкого **ковыля** и **попыны**. Молодой весенний дождь шумел весёлым потоком. В лицо путникам, ехавшим по каменистой дороге, непрерывной волной лился **запах пыпыны**.*

В третьей книге в главе "Абай-ага" перед рассказом о трагедии Енлик и Кебек автор два раза обращается к образу степной травы:

*Кивая пожелтевшими головками, колышутся под порывами ветра пожелтевшая **пыпынь** и ставший белесым **ковыль**. // Абай замолк. В порывах осеннего ветра, клонившего траву над могилами, юношам слышался жалобный, печальный напев. **Ковыль** и **пыпынь**, покачиваясь, согласно кивали головками, как бы подтверждая, что рассказ о трагедии, разыгравшейся здесь давным-давно, - страшная правда.*

Национальная картина мира дополняется представлением о быте и нравах степи, об её обычаях и традициях, стремлением авторов пристально взглянуть в глубинные истоки национальной культуры, выявить преемственную связь настоящего с прошлым. Перед читателем постепенно разворачивается панорама степной жизни с центральным образом - *степью*, несколько обобщённым и в то же время наделённым всеми красками и чертами неповторимой человеческой личности. Вот какова была жизнь, и вот каковы люди, вынесшие её на своих плечах - об этом писали в своих книгах А.Сейдимбеков "Степь и судьба", Г.Сланов "Степь да степь".

Характер героев повестей сложен, как и сама степь. В сознании

сегодняшнего читателя их образы могут показаться устаревшими. Один из персонажей, безымянный шофёр в повести "Пыпынь и цветы", говорит старому Досу, что тот *"пыпается под ногами, как пыпынодня **пыпынь**"*. На первый взгляд этот образ воспринимается как слепое и простодушное отрицание прошлого, но глубинное содержание повести призывает читателя отступить от такого понимания, поскольку более очевидным становится вековая *реальность пыпыны* не только как символа *памяти*, но и символа *связи времён*. Пыпынная степь и человек на коне - это круговая цепочка одной судьбы в кольце времени.

В казахской литературе эти повести, столь близкие по своему стремлению установить связь времён, не случайны. Повести "Горький запах пыпыны", "Пыпынь", "Пыпынь и цветы" обращены к сегодняшним заботам и тревогам, к поиску привлекательного для "урбанизированного" читателя образа труженика степи - заложившего основы современной жизни. Эта жизнь и воссоздаётся в художественном дискурсе с большой любовью к *пыпыны*, запах которой сладкий, а вкус - горький.

В словаре С.И.Ожегова фитоним пыпынь определяется как "эфироносное растение с мелкими корзинками цветков, с сильным запахом и горьким вкусом". Символичная двойственность данного растения отражена в древнейших памятниках письменности. Пыпынь (евр. Лаана; греч. Аписинтос) в Библии - символ наказаний Господних.

*И сказал Господь: Я накормлю их, этот народ, **пыпыню**, и напою их водою с **желчью**.*

Концепт пыпынь своих содержательных формах, в образе, понятии и в символе, широко используется в поэзии и прозе в роли ключевого слова - аксиологемы. Это же свойство лежит в основе создания концептуальных метафор; пыпынь разлуки, пыпынь памяти, пыпынь печали, пыпынь раздумий, пыпынь чужбины, пыпынь-надежда. В словосочетаниях *пыпынь* предстаёт и как образ, и как символ, рождая у читателя различные чувства, исходящие из двойственной природы этой травы: 1) молодая серебристая трава к старости становится чёрной; 2) трава излучает сладкий пьянящий запах, а на вкус она горькая. У человека всё наоборот, и это порождает непростые вопросы. Секрет обаяния и притягательности пыпыны видимо в том, что в природе этой травы, как в зеркале, отражается судьба самого человека.

Казахстанский писатель Иван Шухов в повести "Трава в чистом поле" называет цвет полыни "пепельно-седым", а один из его персонажей цитирует строки из стихотворения Никитина:

На меже трава зелёная. Полынь дикая качается. Не твоя ли доля горькая в её соке отзывается? Уж и кем же ты придумана, к делу навеки приставлена? Кормишь малого и старого. Сиротой сама оставлена!

Полынь - это не только содержание души, но и побуждение её к действию, *полынь* - изначальное единство образа, смысла и воплощённой в них энергии. Архетипические мотивы "сладкой и горькой полыни", связанные множеством логико-ассоциативных нитей, параллелей и переходов, окрашивают, поддерживают, мотивируют и дополняют друг друга, сопрягая повседневность быта с фундаментальными вопросами бытия и личностного самоопределения. Литературные мотивы и архетипы - это сгустки и резервуары сюжетных эффектов:

Приснилась ты мне с веткою полыни, а утром встретил - тени под глазами. Случилось что?!

Полынь, полынь, смиренная вдовица, Кто не пил слёз от горечи твоей? Полынь, полынь. Роняет перья птица. Зыбь облаков белее лебедей. Степную боль не выплакать до дна. Копытом ветер бьют стреноженные кони...

Если в библии полынь - символ суда Божия за отступничество и непослушание, то у степных народов *полынь* - символ родины и памяти о предках, что и стало причиной рождения легенд и преданий, связанных с *полынью* или *емшаном*.

Так, в обширном наследии казахстанского писателя М.Симашко повесть "Емшан" остаётся наиболее читаемым произведением. Это произведение своего рода визитная карточка автора. По мотивам повести Б.Мансуровым снят художественный фильм, имеющий широкий зрительский успех. Сюжет же повести автору был подсказан О.Сулейменовым, который, в свою очередь, открыл миру душу степного "кентавра".

В поэтике "Емшан" большое значение имеют семантика заголовка повести и функция её развёртывания в тексте. Емшан - символический образ. Повесть начинается с эпиграфа. Строки из стихотворения А.Майкова: "Степной травы пучок сухой..." отсылают к более

раннему художественному опыту, связанному с исследованием категорией *память*.

Ему ты наших песен спой, - Когда же на песнь не отзовётся, Свяжи в пучок емишан степной И дай ему — и он вернётся.

М.Симашко трансформировал эту модель архетипа и представил её аксиологемой, выразившей концептуальный образ *полыни-памяти*. Образ, многократно повторяясь, становится не только смысловой доминантой текста, но символом родной стороны. Лингво-культурологическая сила этого концепта явилась толчком к созданию М. Аджи исторического исследования под названием "Полынь половецкого поля", которое предварено следующими авторскими строками:

Эту книгу не надо читать тому, кто не знает пьянящего запаха полыни, будоражащей кровь емишан-травы.

В повести С.Муратбекова "Горький запах полыни" о сиротской доле смысловым центром, раскрывающим авторский замысел, является текстовый фрагмент, в котором переданы и диалог детей, ждущих отцов и братьев с фронта, и ключевой смысл *полыни-печали*, *полыни-разлучницы*.

Вчера мне постелили папино пальто, а оно пахло папой. Похоже на запах полыни. Бабушка при жизни говорила: "Я твоего отца, знаешь, на Полынном холме родила. Видно с тех пор у папы и остался запах полыни, горький, горький и хороший.

И я укрываюсь папиным пальто. Оно тоже пахнет полынью, заметил кто-то из ребят. И тут пошли разговоры об отцах и братьях, словом, чем пахнет оставленная ими одежда - надежда. И что интересно, все сошлись на том, что от их отцов и братьев тоже пахло полынью, будто и они родились на Полынном холме.

Глубокая человечность этой повести оказалась самой существенной её особенностью: гуманизм, которым она проникнута - привлекательная черта в даровании писателя - его доброта, пристальное внимание к судьбам людей, не слишком избалованным жизнью, испытавшим сполна горестей и страданий. Финал повести вполне обнадёживающий: *полынь-печаль-разлука* воспринимается как *полынь-надежда-вера*.

Повеял ветерок и принёс с Полынного холма знакомый терпкий аромат. И я подумал: если он жив, он непременно придет

сюда. Потому что рано или поздно его поманит горький запах полыни.

Повесть Д.Исабекова "Полынь" своеобразна по своему сюжету с явно выраженной фольклорной основой, и в то же время она современна по краскам, образам и конфликтам. У этой повести есть и свои особенности в передаче национальной картины мира. Здесь нет ни скачек, ни коней, как в повести "Полынь и цветы". В повести даны крупным планом два образа, выписанные особенно тщательно - это образ старого доброго Токсанбая и его антипода - молодого Омаша. Каждый из этих образов вносит особую краску в панораму степной жизни. Старый, слабосильный Токсанбай, морально побеждает вора-мошенника Омаша, но в материальном плане он, собиравший всё лето со своим внуком полынь, остаётся ни с чем.

В шалаше лежат двое - спасаются от некла. Один - старик, другой - мальчик лет тринадцати-четырнадцати. Дня три, а может четыре назад пришли они сюда собирать дермене - цитварную полынь. Старый Токсанбай - это он расположился рядом с внуком — раньше и не подозревал, что на полыни можно заработать.

Таков неожиданный сюжет на тему "полынь" в повести, где на передний план выходит художественное исследование человеческих проблем, где ощутимо авторское тяготение к психологически углубленной характеристике персонажей. Здесь можно говорить об интертекстуальной перекличке с повестью Ч.Айтматова "Белый пароход", в которой полынь, называемая "ширалджинами", обладает острой пахучестью, сравнимой с запахом соснового леса на опушке. У Айтматова дед и внук трагически расстаются, у Исабекова же они преодолевают трудности вместе. образу старого добряка, собирающего дикую полынь, для чтобы на заработанные деньги выучить внука, противопоставлен аферист Омаш, потерявший человеческую сущность от жадности. Полынь оказалась для него горькой и ядовитой, не прощающей подлости и измены. Это ещё один аспект трансформации архетипического образа. Читателю неожиданно приходится понимать "финансовую" ценность полыни.

Очерк Р.Насырова "Ветка дармины" в книге "Южный Казахстан. Живая связь времён" последовательно раскрывает "коммерческую" природу уникального степного растения.

Название очерка соответствует содержанию герба города Чимкента, украшенного золотистой веточкой дармины. Дармина - это казахское наименование цитварной полыни, по латыни - артемизия. Дармина, прочно вошедшая в анналы медицины, определяется семантическими ориентирами: цитварная полынь, королева полыни, означая лекарство, снадобье, лечение.

Целебные свойства цитварной полыни людям известны давно. В рецептах Авиценны полынное масло, настойка, экстракт и кашица дармины рекомендованы как составная часть лекарственных смесей.

Ключевые лексемы в тексте характеризуются семантическими связями авторских интенций от прямого содержания аксиологемы до образа символа - ветка дармины, наподобие символов в других лингокультурах: ветка сакуры - в японской, цветок лотоса - в индийской. Золотая веточка дармины на голубом поле герба города Чимкента - символ неразрывной связи времён: прошлого, настоящего, будущего.

Из 400 видов полыни в южном Казахстане произрастает более 70 видов. Не удивительно, что многие из них отразились в топонимах этого региона. На пастбищах полынь нередко растёт большими массивами, и это становится доминирующим признаком при образовании фитотопонимов, формируя своеобразие языковой картины мира: Жусан дала - Полынная степь, Ерментау - Полынные горы, Майкарасай - Полынный лог.

Другое казахское название полыни "джусан" означает трава-деликатес. Осенью опытные чабаны выпасают скот на чернополынниках. Трава чёрной полыни излечивает скот от паразитов и способствует лучшему жиронакоплению, что очень важно для трудного зимнего времени. Вот почему образ степи с полынью и с табунами коней - неразделимая картина.

"Серебро кустов полынных к старости чернеет Смоль волос друзей старинных к старости белеет" - в этих строках Е.Елубаева, создающих контраст судьбы человека и растения, выражено амбивалентное свойство полыни, вызывающее у человека противоречивые чувства, но только не равнодушие.

Запах степи - это всегда запах полыни. И тот, кто хоть раз почувствует её густой, бодрящий душу аромат, тот уж навечно полюбит

неоглядные просторы, юрту с дымком и голоса вольных лошадей. Веточки полыни придают степи ту прелесть, которая властвует над чувствами человека, возвышая его духовно и укрепляя нравственно. Об этом говорят сборники современных казахских повестей, с глубоким художественным осмыслением архетипических образов в плане их концептуальности.

Установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки (цвет, качество, запах, вкус, объём, ценность), может строиться на выявлении прямых и метафорических номинаций концепта - ключевого слова и его синонимов. При этом выявление глубинного плана содержания, его концептуальной основы, смысло- и структурообразующих концептов может происходить на основе *базисного словаря художественного дикурса*.

Резюме

Мацалада цазІргІ казак, поестеріудегі дала беиіесі Д.Исабеков, Д.Досжанов, С.Муратбеков, Е.Елубаев повестерте талдау жасау арқылы жусан исІмен кврсетіген.